

Вестник

Томского государственного университета

№ 347

Июнь

2011

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- БИОЛОГИЯ
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Аванесов С.С.**, д-р филос. наук, проф.; **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кривова Н.А.**, д-р биол. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Пчелинцев О.А.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минер. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.; **Гураль С.К.**, д-р пед. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначёв В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Черняк Э.И.**, д-р ист. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

СПОСОБЫ И ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ РИТУАЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматриваются основные направления трансформации ритуалов в современном обществе. Автор статьи полагает, что современные процессы трансформации ритуала связаны с изменением основных свойств и функций традиционного ритуала. Показано, что основные изменения происходят в рамках трех тенденций – возникновение «осовремененных» ритуалов, выполняющих прежние функции; возникновение ритуалов с заранее заданными функциями; индивидуализация самого ритуала.

Ключевые слова: ритуал; свойства и функции ритуала; ритуал социального признания; политический ритуал; индивидуальный ритуал.

На каждом этапе развития общества ритуал играет одну из главных ролей в деле стабилизации общества и сохранения его целостности. Ритуал присутствует в обществе во всей своей многообразной вариативности в силу самой социальной структуры общества.

Под ритуалом мы будем понимать стереотипную последовательность действий, имеющую символическое и экзистенциальное значение, повторяющуюся в определенные периоды времени и выражающую в знаковой форме ценности группы и/или личности. На основании работ ряда авторов (А. ван Геннепа, М. Элиаде, Э. Дюркгейма, В. Тернера, А.К. Байбурина, В.Н. Топорова и др.) к основным свойствам ритуала в традиционной культуре мы относим: символичность, самоценность, знаковую прагматичность. К второстепенным, вытекающим из основных, относятся: незаинтересованное участие, стереотипичность, повторяемость, регламентированность.

Немецкий исследователь В. Буркерт в работе «*Homo Necans*», рассматривая функции ритуала в античной культуре, пришел к выводу, что цель ритуала содержится в нем самом. Поэтому является «проблематичным говорить о «цели» ритуала, поскольку код его предопределен и привнесенная цель его изменить уже не может, – во всяком случае, она не может нарушить его целостность» [1. С. 421]. Для нас эта мысль представляется весьма важной и точной. Ритуал может иметь некие внешние цели, т.е. ритуальное действие совершается «для того чтобы». Но даже если исполнение ритуала продиктовано некоторой «практической» целью, тем не менее ритуал воспроизводит внутренне присущую ему цель, указать на которую мы можем только с некоторой долей вероятности. Из сказанного следует, что выполнение практических функций не противоречит самоценному характеру ритуала.

Одним из первых, кто описал функции ритуала в традиционном обществе, был Э. Дюркгейм [2]. Анализируя ритуалы австралийских аборигенов, Дюркгейм пришел к выводу, что ритуалы имеют ряд жизненно важных функций. Дюркгейм выделяет четыре основных функции ритуала, к которым он относит: функцию социализации, интеграции, воспроизводящую и психотерапевтическую функции.

В качестве основных функций ритуала в традиционном обществе мы, опираясь на данные этнографических исследований, выделяем следующие функции: функцию социализации, социальной интеграции и дифференциации, психотерапевтическую, функцию сохранения социальной памяти.

Ритуал, выполняющий социализирующую функцию, готовит индивида к социальной жизни, воспитывает

в нем качества, без которых невозможна его жизнь в обществе. Будучи вовлеченным в ритуальную практику, человек «принимает» на себя нормы и ценности общества. Функция социализации наиболее выражено встречается в ритуалах крещения, инициации. По мнению одного из крупнейших отечественных этнографов Д.К. Зеленина, крестьянские обряды, связанные с крестинами, следует рассматривать «как акт приема новорожденного в общину» [3. С. 323]. Крещение в древнерусской культуре восточных славян имело не только религиозный, но и социальный смысл. Из сказанного выше мы можем сделать вывод, что крестины (а также ритуалы инициации) были направлены на формирование человека социального. Таким образом, функция социализации ведет к новому способу бытия человека, «уже не только природно-биологического, но и культурно-социологического» [4. С. 46].

Интегрирующая функция заключается в утверждении целостности некоторого сообщества людей (профессионального сообщества, классового или территориального) и в противопоставлении другим обществам. Ритуал необходим для установления солидарности, взаимосвязанности членов коллектива. «Именно в ритуале люди, на бессознательном уровне, чувствуют свое единство, ими владеют общие чувства и настроения – то, что отсутствует в повседневной жизни, причем в ритуале люди общаются не только друг с другом, но и восстанавливается связь между предками и потомками, прошлым и настоящим» [5. С. 31]. Из этой цитаты ясно, что ритуал выполняет и *функцию связи поколений*. Эта функция обеспечивается за счет того, что ритуал играет важную роль в поддержании коллективной памяти, поэтому функцию связи поколений мы будем называть функцией сохранения социальной памяти. Соответственно, ритуалы должны время от времени повторяться для актуализации в памяти индивидов опыта прошлых поколений.

Следует иметь в виду, что ритуал не только объединяет людей в единое целое, но и одновременно отделяет от других обществ, тем самым выполняя функцию *дифференциации*. Утверждая свое единство внутри общества, эти ритуалы отделяют участников от других обществ.

Психотерапевтическая функция приобретает особое значение в кризисных ситуациях, например при смерти близкого человека, или в тех случаях, когда под угрозой находится единство всего коллектива (например, ситуация войны, смена политического курса и т.д.). С помощью ритуала достигается чувство солидарности, переживания. С точки зрения А.К. Байбурина, психотерапевтический эффект ритуала достигается за счет

принципа единообразия поведения, неизменности и обязательности для всех членов коллектива. «Жесткость программы обеспечивает успешное прохождение наиболее опасных точек сценария жизни – отсюда... психотерапевтический эффект ритуала [6. С. 26]. Этой же точки зрения придерживался В.В. Вересаев, который подчеркивал, что «у людей есть необоримая потребность в торжественно-радостные и торжественно-печальные моменты своей жизни собираться вместе и в чем-то проявлять владеющие ими чувства... Вот тут-то и нужны закреплённые, твердые обряды, определенные русла, в которые бы могла свободно и легко устремиться владеющая человеком скорбь или радость» [7. С. 38]. Общий эмоциональный настрой ритуала сплачивает участников, позволяя ощутить себя единым целым перед лицом очередного испытания.

Выделение свойств и функций ритуала в традиционной культуре является отправной точкой для понимания процесса трансформации ритуалов в современном обществе. Нас интересует вопрос, какие изменения происходят с его свойствами и функциями.

В качестве методологической основы для понимания сущности таких трансформаций были использованы материалы сборника *Dynamics of Changing Rituals* («Динамика изменения ритуалов») [8]. В этом сборнике собраны исследования, которые иллюстрируют, как часто ритуалы подвергаются динамическим изменениям. Авторы статей не просто отвечают на вопрос, когда ритуалы изменяются, но и анализируют, у кого есть власть изменить ритуалы, кто принимает решение об изменении ритуала. Составитель сборника Дженс Крейнат (Kreinath) – доктор философии – в общих чертах обрисовывает аналитическую матрицу теоретических проблем по динамике изменения ритуалов.

Зафиксировав тот факт, что в процессе исторического времени ритуалы могут меняться, Крейнат приходит к выводу, что изменения в ритуале происходят двояким способом [8. С. 275]. В первом случае изменения касаются отдельных элементов ритуала, но при этом ритуал сохраняет свою идентичность. Во втором случае изменения в ритуале преобразовывают его во что-то еще. Поэтому можно различить модификации ритуала и его преобразования. Под модификациями ритуала Крейнат понимает изменения в ритуале, которые являются идентичными этому ритуалу, в то время как преобразование – это изменение самого ритуала. Поэтому об изменении ритуала мы можем говорить в пределах двух этих крайних точек.

Выделение двух типов изменения ритуала представляется для нас важным шагом на пути осмысления динамики трансформации ритуалов в XXI в. Мы можем выделить три тенденции в трансформировании ритуалов в современном обществе: возникновение «новых» ритуалов, выполняющих прежние функции; возникновение сознательно сконструированных ритуалов, ориентированных на выполнение заданных функций; индивидуализация самого ритуала.

Первая тенденция связана с возникновением «новых» ритуалов, призванных выполнять те же функции, что и ритуалы в традиционном обществе.

В современном обществе складываются ритуалы, которые мы можем назвать ритуалами социального

признания. Под ритуалом социального признания мы понимаем вид ритуала, главной функцией которого является «вписывание» индивида в новое для него общество. Ритуалы социального признания являются трансформированными ритуалами инициации. Эти ритуалы имеют характер перехода. Современные ритуалы социального признания во многом сохранили черты инициационных ритуалов. Этот ритуал разбивается во времени на ритуалы отделения от предыдущего состояния, промежуточный этап, характеризующийся определенными испытаниями, и, наконец, включение в новое общество и закрепление за индивидом нового социального статуса.

Специфика ритуала социального признания в современном обществе заключается в том, что он служит «маской», с помощью которой эмоции скорее контролируются и скрываются, чем выражаются. Другими словами, в современных условиях ритуал социального признания принял вид правил этикета и не более того. Однако это не дает нам права отказать в существовании этого типа ритуала. Он продолжает функционировать как нерелексивное выражение социального чувства. Примером этого ритуала является ритуал принятия гражданства.

Как сообщает К. Монтадон в своем докладе на русско-французской конференции, во Франции в 1990-х гг. сложился определенный *ритуал принятия лиц* во французское гражданство. Выдача документов основана на ритуализации жестов и речей, что позволяет при любых обстоятельствах видеть динамику взаимодействия между приглашенными и приглашающими и управлять ею. Посредством этих актов принимающая сторона (правительство Франции) создает эмигрантам условия для того, чтобы эти люди могли без труда интегрироваться в новое для себя общество [9. С. 119]. Завершение правильно организованного ритуала является гарантией социального признания субъекта в новом статусе. Мы видим, что данный вид ритуала призван выполнять те же функции, что и ритуалы традиционных обществ: социализации, интеграции и одновременно дифференциации.

Вторая тенденция связана с возникновением ритуалов, призванных выполнять определенные функции, четко прописанные их «создателями». Прежде всего, имеется в виду идеологическая функция ритуала. Идеологическая функция особенно ярко присутствует в современных политических ритуалах. Политический ритуал представляет собой стандартизованное повторение политически значимых действий, идеологически санкционированных и драматически инсценированных, с целью регулярного подтверждения и укрепления социально-политических порядков. Политические ритуалы призваны сформировать в сознании людей единую систему ценностей, обязательную для всех и охватывающую все сферы жизни человека. С помощью политических ритуалов происходит конституирование социальной идентичности – формирование в сознании индивидов чувства сопричастности своему городу (стране). Символы организуют участников в сегментарные группы, временно отделяя от другого сообщества (например, при проведении мероприятий, посвященных Дню милиции, Дню учителя и т.д.), или же,

наоборот, символы могут выполнять функцию объединения всех людей, принадлежащих разным слоям в общую группу (День Победы и др.). К политическим ритуалам также принято относить шествия, демонстрации, инаугурации и др.

Все политические ритуалы являются действиями символическими. Они не носят целесообразно-практический характер. В них в очень малой степени присутствует информативность, но, тем не менее, участники, как правило, знают, о чем пойдет речь. В ритуализованных шествиях актуализируется идея единства общества (государства, нации). Актуализация этой идеи происходит через отсылку к определенным *символам*. В любом политическом ритуале важна форма его исполнения. И в ритуальных шествиях, и в ритуальной церемонии инаугурации форма проведения ритуала присутствует как самоцель, т.е. основная задача организаторов ритуала – сохранение его устоявшейся формы. Единственное свойство ритуала, которое в наименьшей степени присутствует в политических ритуалах, – это бескорыстие намерений. Политический ритуал в большей степени прагматичен, чем другие виды ритуала. И речь здесь идет как о знаковой, так и об утилитарной прагматике. Политический ритуал имеет весьма определенную прагматическую установку – установку на единение нации, на выражение чувств групповой солидарности. Однако политический ритуал совершается не только с символической целью – объединение общества, но и с практической – навязать посредством исполнения ритуала определенные идеологические идеи.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что особенностью современных политических ритуалов является их рефлексивное создание. Политические ритуалы создаются с определенным намерением, их проведение подчинено определенной цели, и поэтому они имеют характер симулякров, т.е. от ритуала как такового осталась только форма, а вместо подлинного содержания в него встроены модели, отвечающие на социальные запросы.

Следует иметь в виду, что первые две тенденции в трансформации ритуала протекают не независимо друг от друга. Они представляют собой два тесно переплетенных процесса, разделяемых лишь аналитически.

Третья тенденция в трансформации ритуалов касается изменения ритуального поведения на индивидуальном уровне. Но и здесь трансформации являются реакцией на изменение социальной реальности. Специфику современных ритуалов определяет специфика современного общества, а именно общества, основанного на потреблении.

При рассмотрении европейского общества можно говорить о том, что привычные, повседневные действия приобретают ритуальный характер (но для отдельного индивида). В западноевропейской традиции индивидуальный ритуал является уникальным, единственным поведением. В этой культуре индивидуальные ритуалы направлены на то, чтобы отделить себя от общества, показать себя Другим по отношению к данному обществу, выразить свою индивидуальность. Индивидуальные ритуалы гораздо менее сильные, менее впечатляющие, чем коллективные. Индивиду-

альный ритуал «применяется» прежде всего в процессе индивидуации, как выражение своей самости. Целью индивидуального ритуала в этом случае, скорее всего, является утверждение себя – своих мнений, представлений. Поэтому многие бытовые действия, например поход по магазинам, вполне можно рассматривать как своеобразный ритуал. Выбор времени и места шопинга – символический код, который указывает окружающим на социальное положение человека, профессиональную занятость и др. Ритуалом становится практически любое действие из повседневной жизни человека. Человек начинает непрерывно совершать ритуалы: дома, на службе, в транспорте. Таким образом, сама повседневность становится ритуальной. Имея символическое выражение и экзистенциальное значение для индивида, этот ритуал обладает высокой степенью знаковой прагматичности (большей, чем в традиционной культуре). Вместе с тем мы должны отметить, что этот ритуал является сознательно сконструированным для достижения конкретной цели. Поэтому говорить о его «самоценности» проблематично.

При анализе трансформаций ритуала в сторону его индивидуализации первое, на что следует обратить внимание, – на саму форму ритуала. Индивидуальный ритуал не подчинен таким жестким законам, как ритуалы коллективные, имеющие значение для всего общества или для группы людей. Поэтому индивидуальный ритуал по большей части не обладает регламентированностью (со стороны традиции или обычая), он в большей степени, чем коллективные ритуалы, подвержен изменениям, а значит, и не стабилен. Исключение составляет так называемое гипертрофированное ритуализованное поведение, связанное с психическим отклонением. В этом случае больной выполняемые ритуальные действия расценивает как абсолютно обоснованные и необходимые [10. С. 105]. Можно сказать, что в данной ситуации ритуализованные действия приобретают индивидуальный характер, они имеют значение только для одного человека, в данном случае – психически больного.

Яркий пример гипертрофированной ритуализации поведения показал Дастин Хоффман в фильме «Человек дождя». Герой фильма следует жестким правилам, носящим ритуальный характер: определенная еда, точное время сна, одежда из конкретного магазина, обязательное соблюдение всех правил и т.д. Почему эти действия мы должны расценивать как ритуал, а не как набор формальных правил, привычек?

Очевидно, исполнение индивидуального ритуала в данном случае формирует искусственный «индивидуальный» мир, существующий по определенным законам. Так же как и законы внешнего мира, законы этого «индивидуального» мира не должны быть нарушены. Нарушение законов этого мира грозит его распадом, так как мир этот организован исключительно на жестких ритуализованных правилах. Искусственный мир, созданный из набора правил и ритуальных действий, заменяет человеку, имеющему подобное психическое отклонение, мир реальный.

Более того, индивидуальные ритуалы обеспечивают адекватную защиту от постороннего вмешательства в

этот мир, которое может разрушить его целостность. Однако описанное выше поведение является крайним случаем «злоупотребления» индивидуальными ритуалами. В целом действия индивидуального ритуала сохраняют свое символическое значение, которое проявляется в знаковой форме ритуала.

По преимуществу современные тенденции трансформации ритуала так или иначе связаны с модификацией свойств ритуала. Изменившиеся свойства ритуала трансформируют его в поведение, отвечающее современным условиям существования. Таким образом, процесс трансформации ритуалов связан с его взаимосвязью с социальной, политической и культур-

ной средой, которая, в свою очередь, подвержена изменениям (миграциям, росту численности, смене властных отношений и др.). Поэтому можно сказать, что изменения ритуалов являются не только следствием, но и «индикатором» социальных изменений. Мы показали, что внешне жестко регламентированное ритуальное поведение вполне подвержено изменениям, что не противоречит природе самого ритуала. Трансформация ритуала происходит незаметно для его участников, поэтому изменения в самом ритуале практически не видны и сохраняются в сознании участников как постоянные, стереотипные, устоявшиеся формы поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буркердт В. Номо Necans. Жертвоприношения в древнегреческом ритуале и мифе (перевод) // Жертвоприношение: ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней / Науч. ред. Л.И. Акимова и А.Г. Кишин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 405–478.
2. Durkheim É. Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie // Paris: Les Presses universitaires de France, cinquième édition. 1968. URL: http://classiques.uqac.ca/classiques/Durkheim_emile/durkheim.html (дата обращения: 15. 11. 2008).
3. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
4. Некрашевич Р.И. «Внекультурная» функция ритуала // Мир психологии. 2003. № 1. С. 45–54.
5. Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно семантический анализ восточно-славянских ритуалов. СПб.: Наука, 1993. 223 с.
6. Байбурун А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. М.: Наука, 1991. С. 23–42.
7. Угринович Д.М. Обряды. За и против. М.: Политиздат, 1975. 175 с.
8. Krtinath Jens. Teoretical Afterthoughts // The dynamics of changing rituals: the transformation of religious rituals within their social and cultural context / Ed. by Jens Krtinath, Constance Hartung, Annette Deschner. N.Y., 2004. P. 267–282.
9. Монтадон К. 90-е годы: возникновение новых ритуалов приема в связи с ростом общественной и профессиональной мобильности принимаемых // Традиционные и современные модели гостеприимства: Материалы российско-французской конференции 7–8 октября 2002 г. М.: РГГУ, 2004. С. 119–141.
10. Еришова Г.Г. Ритуал как способ организации жизнедеятельности коллектива // Мир психологии. 2003. № 1. С. 103–110.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 30 марта 2011 г.